

Мы с мамой остались одни с тех пор, как мой донор спермы сбежал со своей секретаршей; мне было двенадцать. До этого он был просто чужим человеком в доме. Я полагаю, он был зол на то, что ему пришлось жениться на маме, когда ему было всего двадцать лет. Но, с другой стороны, ей было всего восемнадцать, когда он обрюхатил ее на выпускном вечере.

Ей не хватило месяца до девятнадцатилетия, когда родился я. Она никогда не притворялась, что я был чем-то, кроме "упс!", но никогда не забывала добавить, что я был лучшим сюрпризом в ее жизни. Она говорила мне снова и снова, как она была поражена тем, что отцом такого хорошего человека, как я, мог быть полный кретин.

Мама была секретарем, простите, административным помощником, директора моей средней школы. Ей было тридцать два года, когда я начал учиться в школе, но выглядела она скорее на двадцать два. Я не могу сосчитать, сколько раз мне приходилось протирать чьи-то часы за то, что я назвал ее MILF.

Она была горячей, дымящейся, но она не была ничьей MILF, кроме моей.

Делает ли это меня больным придурком? Может быть. Мне действительно было наплевать.

Она работала на двух работах, чтобы иметь приличную крышу над головой. По вечерам она работала барменом. Она была горячая и веселая и зарабатывала на чаевых столько же, сколько и на работе в школе. Ночи в пятницу и субботу были тяжелыми, поэтому утром в выходные она отсыпалась.

До моего выпуска оставалось всего несколько дней. У меня не было домашнего задания. Я не работал до пяти часов вечера. Несмотря на это, я проснулась в 6:45, как всегда. Не было никакой причины, чтобы я все еще был в трусах, когда мама проснулась. Ну, была одна причина.

Они были облегающими. И у меня был хороший член. Ладно, две причины.

Дом, который мы снимали, был приличным и в хорошем районе, но он был маленьким, с одной ванной. Мы научились делиться. Если мне нужно было отлить, а мама была в душе, я просто сообщал ей, что зайду. То же самое происходило, если в душе была я.

Наши спальни примыкали друг к другу вдоль одной стены. Половина стены уходила в ее спальню, чтобы освободить место для маленького шкафа для меня. Другая половина стены выходила в мою комнату - ее кладовку. Стены были тонкими.

У нее не было времени на парней, но примерно в то же время, когда я открыл для себя дробку и порно в Интернете, я понял, что означают гул и приглушенные стоны из ее комнаты.

Не имело значения, сколько раз я уже дробил в тот день, но всякий раз, когда я слышал этот звук, мой член сразу же возбуждался. Я научился держать темп и кончать только тогда, когда слышал, как она кончает.

Несмотря на то, что мы жили в одной ванной, я видел ее голой всего один раз. Она не видела меня голым с тех пор, как ушел донор спермы.

Одного раза было достаточно.

Несмотря на долгие часы работы и отсутствие достаточного отдыха, она следила за тем, чтобы у нее было время для тренировок. Это было видно по ее целеустремленности.

Она была подтянута, благодаря чему ее бедра и сиськи выглядели потрясающе. Ее сиськи не были огромными. Я представил, что они идеально подходят для моей руки. У нее были кудрявые русые волосы длиной до плеч и губы, которые должны были сниматься в рекламе помады.

Она была красивой женщиной. Одинокая женщина. Я был возбужденным подростком-девственником.

Я решил соблазнить ее.

Я планировал трахнуть свою маму. Трахать ее и даже больше.

Я решил, что первым шагом будет помочь ей увидеть, что я больше не "маленький мальчик". Я был выше ее на целых шесть дюймов. Я плавал за школьную команду и гордился своим телом. И своим членом.

Я не собираюсь лгать и утверждать, что мой член был девять или десять дюймов, или еще какую-нибудь глупую чушь вроде этого. Я был чуть меньше семи дюймов, необрезанный, с хорошим толстым стволом. Я был душой, а не ростом.

Поэтому я носил облегающие трусы-боксеры.

В выходные я всегда готовил ей завтрак. В это субботнее утро я надеялся накормить не только ее желудок. Я надеялся накормить ее либидо. Я хотел заронить в ее мозг мерзкие, грязные, OMG идеи.

Мое желание к ней было настолько сильным, что когда я услышал, как открылась дверь ее спальни и раздался мягкий стук ее босых ног по ковру, я не нервничал. Если я и волновался, то только для того, чтобы она поторопилась, и я смог показать ей себя. Поэтому я поспешил к раковине, чтобы сделать вид, что набираю стакан воды.

Она прятала зевоту, когда дошла до конца короткого коридора и повернула на кухню.

"Доброе утро, Джоши...", - ее голос прервался, когда она увидела меня, стоящего у раковины в нижнем белье.

"Доброе утро, мам. Я не знаю, почему я так устал прошлой ночью. Я не слышал, как ты вошла, так что, наверное, я спал, но утром я не мог вытащить свою задницу из постели. Я только успела сварить кофе. Он должен быть готов. Ты хочешь яичницу? Блинчики?"

Я слегка повернулся, когда она вошла в кухню. Мой член стоял в профиль в три четверти. Пошел ты, мистер Гейгер, подумал я про себя, я кое-чему научился на твоих уроках. Мистер Гайгер поставил мне единственную тройку за всю мою школьную карьеру, причем на чертовом уроке истории кино, не меньше.

Мама изо всех сил старалась не смотреть, но ее взгляд то и дело падал на мою промежность. Я сохранял нейтральное выражение лица.

"О, у меня не было возможности много поесть вчера вечером. Я едва успевал дышать. Я проголодался, Джош. Оладьи и немного бекона не будут слишком большой проблемой?"

Не было смысла просить ее снова называть меня "Джош", так что я оставил эту затею. "Без проблем, мам. У нас даже есть черника. Черничные блинчики?"

Она тяжело сглотнула.

"Конечно, детка. Это было бы здорово". Она направилась к кофейнику, но я махнул ей рукой, приглашая к столу.

"Садись, садись. Я принесу тебе кофе. Похоже, у тебя была тяжелая ночь".

Она выдвинула стул и села. На ней была ночная рубашка, хлопковая, старая, но не настолько старая, чтобы я мог видеть столько, сколько хотел.

Через пару недель мне исполнится девятнадцать. А через месяц маме исполнится тридцать семь. Если следующие несколько недель пройдут по плану, я подарю ей на день рождения что-то более сексуальное, в чем она будет спать.

Я налила кофе в ее кружку, добавила огромную ложку сахара турбинадо и большую ложку половины половинки кофе. Я размешал для нее кофе, оставив ложку на краю раковины, и поднес кружку к ней.

Кружка была полной, как я и предполагал. Я шел медленно, чтобы не выплеснуть горячий кофе на руку. Я не сводил глаз с кружки, давая маме достаточно времени, чтобы рассмотреть мой член сквозь обтягивающую белую ткань, когда я подошел к столу.

Ее лицо покраснелось, когда я поставил кружку, и я подавил ухмылку. Я наклонился и поцеловал ее в лоб. В этом не было ничего необычного. Стоять так близко, как я стоял, когда мой член почти касался ее руки, было необычно.

"Доброе утро, мам. Люблю тебя", - сказал я ей, подойдя к холодильнику, чтобы достать бекон, чернику и пару яиц.

"Я тоже тебя люблю, детка", - прошептала она.

Я стоял к ней спиной, поэтому позволил себе усмехнуться. Я поджарил бекон и перешел к тесту для блинов.

Я был рад, что она выбрала блины. Это дало мне возможность повернуться к ней лицом, держа миску в одной руке и взбивая тесто изо всех сил. Она хорошо рассмотрела мой пресс и бицепсы. И мой член. Как я уже сказал, я душ, а не рост, но он растет. Сейчас он рос. Становился тверже. Напрягался, чтобы разорвать мои боксеры.

Глаза мамы тоже росли.

Она не притронулась к своему кофе.

Я нагнулся, чтобы взять сковороду из ящика, давая ей возможность хорошо рассмотреть мою задницу. Я раскалил сковороду, добавил немного жира от бекона, подождал и бросил каплю воды в сковороду. Она заплясала и исчезла. Масло было достаточно горячим.

Сковорода была достаточно большой для одного блина хорошего размера. Я вылила тесто и

поставила миску с тестом обратно на стол.

Я стоял спиной к маме. Я стянул свои боксеры, не пытаясь скрыть этот факт.

Потянув, я спустил пояс настолько, что стало видно четверть дюйма волос на лобке. Я повернулся к маме, опираясь бедром на кухонную стойку. Ее глаза были устремлены на мою промежность.

Да! - тихо крикнул я, мысленно качая кулаками. Она заинтересовалась. Осторожно, не дергайся слишком быстро. Подожди, дурачок, просто подожди. Она все еще просто клует на наживку.

"Значит, работа была убийственной?"

Ей потребовалось мгновение, чтобы ответить. Ее глаза были прикованы к моему члену. В конце концов, она отвела глаза и попыталась заговорить, но вышло только кваканье. Она отпила кофе. Я видел, как она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

"Да", - наконец смогла вымолвить она. "На последнем звонке все еще было забито. Слава Богу, Мел взял с собой джонсов. Я уверена, что они были в полном беспорядке. Он выглядел довольно отвратительно, когда закончил и вернулся, чтобы помочь закончить с барной стойкой".

"Могу себе представить. Кучка пьяниц. По крайней мере, женщины не мочатся на весь пол".

"Да? Ты удивишься. В женском туалете не намного легче убирать, чем в мужском".

На верхушке блинов начали появляться пузыри. Я приподнял край. Золотисто-коричневый. Я перевернула его как профессионал, навыки оттачивались во время работы на полставки в закусочной. Бекон был готов. Я выключила огонь и выложила бекон на бумажное полотенце, чтобы стекал.

Я вернулся к столу. Из моей груди вырвался зев. Я потянулся, вытянув руки и выгнув спину. Я почувствовал, что мои трусы сползли немного ниже.

"Первый блин будет готов через секунду, мам".

"Мне хватит и одного, Джоши", - ответила она надтреснутым голосом.

Я повернулся и положил ей блинчик, пряча улыбку. Я намазала блин маслом, пока грела сироп в микроволновке. Я налил себе кружку кофе, затем отнес блин с парой полосок бекона маме и сел рядом с ней.

"Ты не ешь?" спросила она.

Я сделала глоток кофе. Я уже поела, но хотела, чтобы она подумала, что я проспала. "Нет, я еще не голодна. Я поставлю тесто в холодильник. Потом, если проголодаюсь, могу приготовить еще блинчиков. Ты уверена, что хочешь только один?"

"Да". Она взяла полоску бекона, но остановилась. "Мне неловко есть в твоем присутствии".

"Не надо", - рассмеялся я. "Как я уже сказала, я не голодна". Во всяком случае, не для еды. "Ешь. Я посижу и выпью кофе".

<http://erolate.com/book/2900/69544>